

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА В СЕРИИ
«ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ»**

Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•

Фрайди. Бездна

•

Астронавт Джонс. Время для звезд

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

**Астронавт Джонс
•
Время для звезд**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
X 15

Robert A. Heinlein
STARMAN JONES
Copyright © 1953 by Robert A. Heinlein
TIME FOR THE STARS
Copyright © 1956 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского Михаила Пчелинцева

Серийное оформление и оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold)
за помощь при подготовке книги

© М. Пчелинцев (наследники), перевод, 2017
© С. В. Голд, предисловие, послесловие, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-13578-9

Звездная экспансия: начало

Любое масштабное человеческое начинание обычно представляет собой непрерывную череду романтических и драматических событий. Начало звездной экспансии не было исключением — дорога к Солнечному союзу выложена надгробными плитами тех, кто не добрался до конца пути. История проекта «Лебенсраум» — это история самоубийственного безрассудства, авантюры, в которую очертя голову ринулось без малого три тысячи человек. Их мотивации были самыми разнообразными, вряд ли удастся свести их к общему знаменателю, поэтому более продуктивно рассмотреть социальные, технические и политические предпосылки возникновения проекта. Еще более любопытно было бы сравнить ход событий, приведших к старту звездной экспансии в различных временных линиях, — но это слишком объемная задача для такой короткой статьи. Поэтому мы вынуждены ограничиться той временной ветвью, где рождение Неемии Скаддера было предотвращено полевым агентом Корпуса времени, в результате чего США оказались вовлечены в Третью мировую войну.

Состояние, в которое пришла экономика Земли, не позволило воплотиться идее Космического патруля¹, более того, соглашение 1980 года, заключенное в Байройте уцелевшими мировыми державами, на долгое время заморозило космическую гонку вооружений, а с ней и развитие космических технологий, что отбросило начало космической экс-

¹ *Космический патруль* — миротворческая организация, у которой одним из способов понуждения к миру была угроза ядерной бомбардировки, см. роман «Космический кадет».

пансии на многие десятилетия вперед. И колонизация планет Солнечной системы началась только после разработки атомного двигателя Ортеги и масс-конвертора Томпсона, служившего источником энергии. И здесь немалую роль сыграла организация Фонда дальних перспектив. Несомненно, она каким-то образом контролировалась семьями Говарда¹. Ведь именно долгожители, как никто другой, были заинтересованы в долговременных перспективах и техническом прогрессе. Поэтому Фонд щедро вкладывал средства в самые разные проекты, в том числе — в создание межзвездного факельщика «Авангард».

Впрочем, экспериментальный полет «Авангарда» так и остался бы провалившимся экспериментом, если бы к 2120 году величина биологического давления на Земле не достигла критического уровня. Колонии Планетной лиги не могли обеспечить отток населения с материнской планеты — жизнь на Марсе или Венере была далека от комфортной по земным стандартам, Ганимед был превращен в одну большую сельскохозяйственную ферму, а Церера была способна приютить в своих куполах лишь несколько тысяч старателей и шахтеров.

Демографическая проблема с неизбежностью провоцировала локальные конфликты и в условиях, когда договор в Йоханнесбурге не был заключен и бомбы Космического патруля не висели дамокловым мечом над планетой, ограниченный миротворческий корпус Космического десанта лиги едва справлялся с тушением пожаров. Повсеместное внедрение масс-конвертора Томпсона привело к тому, что революционное открытие Дэниела Шипстоуна² в этой временной линии не привело к созданию мегакорпорации и экономическая империя «Шипстоун» не выступила в роли политического интегратора лиги.

Земля неуклонно шла к новой мировой войне, которая должна была снять накопившиеся противоречия, проредить

¹ *Семейства Говарда* — тайная организация долгожителей, см. роман «Дети Мафусаила».

² *Дэниел Шипстоун* — изобретатель универсального аккумулирующего устройства, вытеснившего все прочие источники энергии, см. роман «Фрайди».

население и, возможно, привести к установлению централизованной власти — Земной империи. В преддверии грядущего хаоса территориальные государства стремительно мутировали в монархические и тоталитарные образования, власти все сильнее закручивали гайки, все больше урезали пайки, а международные организации лихорадочно искали способ стравить пар, пока у котла не снесло крышку. Именно таким способом и стал отчаянный проект «Лебенсраум», втянувший в свою орбиту двух подростков, Тома и Патрика Бартлеттов из романа «Время для звезд».

Трудно назвать первые межзвездные экспедиции авантюрой. К ним больше подходит слова «безрассудство» или «безумие». Авантюрист рассчитывает на какие-то дивиденды со своего предприятия, первопроходцы же не рассчитывали ни на что. Первые разведчики на своих древних релятивистских звездолетах клали свои жизни на то, чтобы исследовать одну-две звездные системы, многие из которых оказывались пустышками. В отличие от мореплавателей эпохи географических открытий, густо исписавших земные карты своими именами, исследователи космоса либо бесследно исчезали в его глубинах, либо возвращались ни с чем. К началу звездной экспансии разведчики обнаружили не больше десятка пригодных для колонизации планет.

Создание звездных колоний, последовавшее за открытием первых землеподобных планет, в разных временных линиях шло разными путями. Звезды осваивались в разной последовательности, разными силами, отличалась и техника для преодоления межзвездных расстояний. Но что бы ни двигало ковчеги колонистов — факел Ортеги, квантовый двигатель Фроунинга или импеллеры Хорста-Конрада, — их в любом случае отправляла к звездам могущественная политическая или экономическая империя. Корпорация «Шипстоун», картель «Канг-Да Коста» или Солнечная империя — не важно, как называлось это образование, суть в том, что это были люди, сконцентрировавшие в своих руках большую часть власти и ресурсов Солнечной системы. К 2200 году все временные ветви земной истории были так или иначе охвачены глобализацией. Она могла принимать разные формы, наиболее одиозной из которых была империя.

Монархия возникла в процессе общего реставрационного процесса, охватившего все стороны жизни человечества. Человечество как единый больной организм пыталось противостоять распаду, лихорадочно извлекая на свет и пробуя на себе рецепты прежних ступеней эволюции. Понятно, что это были негодные рецепты. Приближение Темных веков грозит потерей сокровищницы накопленных знаний? Отлично, мы приставим к знаниям охрану и сбережем его среди достойных. Так профессиональные знания оказались сконцентрированы и скрыты в профессиональных кастах. Механизм профессионального наследования в гильдиях, возможно, играл какую-то положительную роль в прежние Темные века, но в середине третьего тысячелетия он был всего лишь ножницами, обрезающими тросы социальных лифтов. Распад инфраструктур может прервать поставки продовольствия? Прекрасно, привяжем крестьян к земле, заставим землевладельцев возделывать свои владения — и не важно, что производительность таких угодий стремительно приближается к нулю.

Все эти нелепые, архаичные методы привели к тому, что на исходе XXII века на Земле вместо полдня царил крошечная средневековая полночь, правда сытая и уютная, с киберами, движущимися дорогами и звездолетами. Но человек остается человеком, и, даже загнанный в крепко сколоченное теплое стойло, он может иногда поднимать голову и смотреть на звезды. На переломе веков люди оставались людьми, они любили жизнь и часто хотели большего¹.

С. В. Голд

¹ «Хайнлайн в картинках».

Астронавт Джонс

Джиму Смиту, моему другу

Глава 1 «ТОМАГАВК»

Макс любил это время дня, это время года. Урожай уже убран, можно пораньше покончить со своими вечерними делами и расслабиться, побездельничать. Вычистив свинарник и покормив кур, он не пошел ужинать, а вместо этого поднялся по тропинке на холм к западу от амбара и улегся на траву, не обращая никакого внимания на прыгавших вокруг песчаных блох. У него была с собой книга, взятая в прошлую субботу в местной библиотеке, бонфортовские «Твари небесные: Путеводитель по экзотической зоологии», но он ее просто положил себе под голову вместо подушки. Голубая сойка начала было высказывать свои сомнения в отношении порядочности его поведения, но, не получив ответа, заткнулась. Рыжая белка вспрыгнула на пень и уставилась на него. Поглазев немного, она снова принялась закапывать орехи.

Макс смотрел на северо-запад. Он любил это место потому, что отсюда были видны стальные опоры и направляющие кольца ЧСЗ — магнитной дороги Чикаго—Спрингфилд—Земпорт. Дорога появлялась из отверстия в склоне справа от него. В самом отверстии можно было видеть направляющее кольцо — здоровенный, футов двадцати в диаметре, стальной обруч. Пара ходулеобразных опор поддерживала другое кольцо футов в ста от первого. Третье, и последнее, справа кольцо находилось к западу от него. Склон там еще круче спускался в долину, поэтому опоры этого кольца были высотой футов в сто с лишком. На половине высоты этого кольца была видна силовая антенна, направленная поперек провала.

Слева от него, на дальнем краю провала, опять шли направляющие кольца ЧСЗ-дороги. Входное кольцо было больше из-за возможного сноса поезда в сторону ветром; на его опорах была приемная силовая антенна. Этот склон был круче, еще одно кольцо — и дорога опять исчезала в туннеле. Макс читал, что на Луне входные кольца были не больше остальных: там никогда нет ветра, отклоняющего траекторию. Когда он был ребенком, это кольцо было чуть поменьше, и однажды, во время жуткого урагана, поезд в него ударился. Произошло невероятное крушение, погибло больше четырех сотен людей. Сам он этого не видел, а отец не разрешил ему и потом сходить посмотреть. Из-за всех этих трупов. Однако след крушения и по сию пору был виден на левом склоне — пятно зелени более темной, чем вся остальная.

Он смотрел на проходящие поезда всегда, когда была такая возможность. Ничего плохого он пассажирам не желал — но все равно, если уж случится вдруг катастрофа, не хотелось бы снова ее пропустить.

Макс не спускал глаз с отверстия туннеля: «Томагавк» должен был появиться с минуты на минуту. Неожиданно отверстие озарилось серебристым сиянием, затем из него вылетел сверкающий цилиндр с острым как игла носом. Словно яркая вспышка, он промелькнул сквозь последнее кольцо, а затем — от этого перехватывало дыхание — какие-то мгновения находился в свободном полете между двумя обрывами. Чуть ли не быстрее, чем Макс смог перевести взгляд, летящий поезд вошел в кольцо на другой стороне лощины и исчез в горе. И только тогда дошел звук.

Это было как удар грома, раскатившийся между горными склонами. Макс схватил воздух разинутым ртом.

— Ничего себе! — тихо сказал он. — Вот это да!

Невероятное зрелище и звуковой удар каждый раз производили на него одно и то же впечатление.

Макс слышал, что для пассажиров поезд был совершенно бесшумным, так как все звуки от него отставали, но в точности он этого не знал. Ведь он никогда не летал на таком поезде и, с работой на ферме и Моу¹, вряд ли сможет когда-нибудь в будущем.

¹ Моу (англ. Maw) — обжора.

Он сел и открыл книгу, держа ее так, чтобы не терять из виду юго-западную сторону неба. Через семь минут после пролета «Томагавка» он, если вечер был ясным, наблюдал запуск ежедневного лунного корабля. До космодрома в Земпорте было довольно далеко, да и зрелище было куда менее драматичным, чем прыжок поезда сквозь кольцо, но пришел сюда именно ради него. Магнитные поезда, конечно, были хороши, но космические корабли были его страстью — даже такие игрушечные, как лунный шаттл.

Однако только он нашел место, где остановился, — описание крайне разумных, но флегматичных ракообразных с Эпсилона Кита IV, — как его отвлек оклик откуда-то сзади:

— Эй, Макси! Максимилиан! Мак-си-мил-ьян!

Он замер и ничего не отвечал.

— Макс! Я же тебя вижу, Макс, иди сюда сию же секунду, ты слышишь меня?

Макс что-то пробормотал себе под нос и поднялся на ноги. Он медленно спускался по тропинке, оглядываясь на небо, пока его не заслонил сарай. Моу вернулась, и никуда уж тут не денешься, — если он не явится и не сделает, что от него требуется, она сумеет отравить ему жизнь. Когда сегодня утром она уезжала, у него было такое ощущение, будто ее не будет по крайней мере до следующего утра. Не то чтобы она сама так сказала — Моу никогда этого не делала, — но он научился распознавать признаки. И вот теперь ему придется выслушивать ее нытье и ее мелочные сплетни, вместо того чтобы почитать. А то, что ничем не лучше, его будет отвлекать какой-нибудь из ее обожаемых слюнявых сериалов по стереовидению. Ему не раз приходилось бороться с соблазном поломать проклятый СВ — и сделать это всерьез, топором. Сам он почти никогда не имел возможности посмотреть интересную для себя передачу.

Подойдя к дому, он вдруг остановился. Он-то думал, что Моу прикатила на автобусе из Углов и, как обычно, прошла остаток пути пешком. Но сейчас около веранды стоял яркий маленький уницикл — и к тому же она была не одна.

Сначала он подумал, что это «иностранец», но, подойдя поближе, узнал нежданного гостя. Макс гораздо охотнее повстречался бы даже с иностранцем, любым иностранцем.

Бифф Монтгомери был местным, правда он не работал на ферме. Макс не припоминал, чтобы хоть раз в жизни видел Биффа, занятого честным трудом. Говорили, что Монтгомери иногда нанимали охранником самогонщики, когда один из их аппаратов еще действовал где-то там, в горах. Вполне возможно — Монтгомери был здоровый, плотный мужчина, и эта роль вполне ему подходила.

Макс знал Монтгомери с незапамятных времен, часто видел, как тот толкался около Клайдовских Углов. Но обычно он не обращал на Монтгомери никакого внимания и не имел с ним никаких дел — до последнего времени: Моу стали все чаще замечать в его компании, она даже стала ходить с ним на танцы и валять дурака. Макс несколько раз пытался сказать ей, что покойному отцу это не очень бы понравилось. Да разве может кто-нибудь спорить с Моу — она просто не слышит того, чего не хочет слышать.

Но домой она притащила его впервые. Макс почувствовал, что в нем разгорается ярость.

— Поскорее, Макси! — крикнула Моу. — Да не стой ты там как чурбан. — (Макс неохотно двинулся дальше и подошел к ним.) — Макси, пожми руку своему новому отцу, — пропела Моу и шаловливо глянула на него, словно выдала нечто очень остроумное. Макс тупо уставился на нее, от удивления открыв рот.

Монтгомери ухмыльнулся и выставил свою клешню.

— Ага, Макс, ты теперь Макс Монтгомери — я твой новый папаша. Но ты все равно можешь называть меня Монти.

Макс уставился на руку, а затем, очень неохотно, пожал ее.

— Моя фамилия Джонс, — сказал он без всякого выражения.

— Макси!.. — протестующе воскликнула Моу.

Монтгомери жизнерадостно расхохотался.

— Да не торопи ты его так, Нелли, любовь моя. Пусть Макс попривыкнет к этому. Живи сам и давай жить другим — вот мой девиз. — Он повернулся к своей жене. — Подожди, пока я возьму багаж. — С одного багажника уникала он снял тюк скомканной одежды, а с другого — две

плоские пинтовые бутылки. Заметив, что Макс наблюдает за ним, он подмигнул и сказал: — Гост за новобрачную.

Упомянутая новобрачная стояла около двери, и он попытался проскользнуть мимо нее. Та запротестовала:

— Но как же это, Монти, дорогой, разве ты не собираешься...

Монтгомери остановился.

— Совсем позабыл, у меня ведь мало опыта в таких делах. Конечно же. — Он повернулся к Макс. — Возьми все это хозяйство. — Бифф сунул ему тук и бутылки. Потом он подхватил Моу на руки, что-то хрюкнув при этом, перенес ее через порог, снова поставил на ноги и поцеловал. Она тем временем повизгивала и краснела. Макс молча прошел вслед за ними, положил принесенное на стол и отвернулся к плите. Плита совсем остыла, он не пользовался ею со времени завтрака. Была еще и электрическая плита, но она перегорела еще при жизни отца, а денег на починку так и не нашлось. Он вытащил из кармана складной нож, настрогал щепок, добавил растопки и поднес к получившейся кучке зажигалку. Когда пламя разгорелось, он вышел с ведром за водой.

Когда он вернулся, Монтгомери сказал ему:

— Не мог понять, куда это ты пошел. Неужели в этой мусорной куче нет даже водопровода?

— Нет. — Макс поставил ведро на пол и подложил в огонь пару деревянных брусков.

Моу сказала:

— Макси, ты должен был приготовить обед.

Монтгомери любезно заступился за Макса:

— Ну успокойся, дорогая, он же не знал, что мы приедем. И к тому же это дает время для тоста.

Макс стоял, повернувшись к ним спиной, и уделял все свое внимание нарезанию грудинки. Перемена была столь ошеломляющей, что ему пока еще не хватило времени полностью ее осознать.

— Эй, сынок! Подними стакан за новобрачную! — окликнул его Монтгомери.

— Мне надо готовить ужин.

— Чепуха! Вот твой стакан. Быстренько!

Монтгомери налил в стакан на палец янтарно-желтой жидкости; его собственный стакан был наполнен до половины, а у новобрачной по крайней мере на треть. Макс взял свой стакан, подошел к ведру и черпаком долил в него воды.

— Ты же только испортишь!

— Я к этому не привык.

— Ну ладно. Ну, значит, за зардевшуюся новобрачную и всю нашу счастливую семейку! Пей до дна!

Макс осторожно хлебнул из стакана и отставил его. По вкусу это напоминало горькую микстуру, которую давала ему как-то весной окружная медсестра. Он вернулся к своему прерванному занятию, но Монтгомери опять окликнул его.

— Эй, как это, ты же не допил.

— Послушайте, мне надо готовить ужин. Вы же не хотите, чтобы все подгорело?

— Ну что же, — пожал плечами Монтгомери, — тем больше останется нам. Твою долю мы используем на запивку. Знаешь, сынок, когда я был в твоём возрасте, я мог опрокинуть полный стакан, а потом сделать стойку на руках.

Макс собирался поужинать грудинкой и разогретыми оладьями, но их осталось только полсковородки. Он поджарил яичницу на жире от грудинки и сварил кофе, этим и ограничился. Когда они сели ужинать, Монтгомери оглядел поданные блюда и громко объявил:

— Лапочка, я надеюсь, что начиная с завтрашнего дня ты сумеешь делом подтвердить все то, что наговорила мне про свои кулинарные таланты. Твой парень — не такой уж хороший повар.

Несмотря на эти слова, он поел от души. Макс решил не говорить ему, что он готовит лучше, чем Моу; Монти очень скоро и сам это обнаружит.

В конце концов Монтгомери отодвинулся от стола, вытер рот, налил себе еще кофе и закурил сигару. Тогда Моу спросила:

— Макси, дорогой, а что будет на десерт?

— Десерт? Ну — в холодильнике есть то мороженое, что осталось после Дня Солнечного союза.

На ее лице отразилась досада.

— О боже! — сказала она. — Боюсь, что его там нет.

— Что?

— Ну, боюсь, что я вроде его съела как-то вечером, когда ты был на южном поле. Это был ужасно жаркий день!

Макс ничего не сказал, он не был удивлен. Но Моу не унималась.

— Ты что, не приготовил ничего на десерт, Макс? Но ведь сегодня такой особенный день.

Монтгомери вытащил сигару изо рта.

— Заткнись, лапочка, — сказал он ласково. — Я не слишком люблю сласти, я больше насчет мяса и картошки — это нарастает на кости. Поговорим лучше о более приятных вещах. — Он повернулся к Максу. — Макс, что ты еще умеешь делать, кроме как копаться на ферме?

— Чего? — удивился Макс. — Я никогда не делал ничего другого. А что?

Монтгомери стряхнул пепел с сигары на тарелку.

— Просто мы покончили с работой на ферме.

Второй раз за последние два часа Макс услышал новость, которую не смог сразу переварить.

— Как это? Что вы имеете в виду?

— Потому что мы продали ферму.

У Макса появилось такое ощущение, словно из-под его ног выдернули ковер. Однако по выражению лица Моу он понял, что это правда. У нее всегда был такой вид, когда она ему устраивала что-нибудь подобное, — торжествующий, но слегка настороженный.

— Отцу бы это не понравилось, — резко сказал Макс. — Эта земля принадлежит нашей семье уже четыре сотни лет.

— Ну, Макси! Я же говорила тебе не знаю сколько раз, что я не создана для деревенской жизни. Я выросла в городе.

— Клайдовские Углы! Тоже мне город!

— Но все равно это не ферма. И я была совсем юной девушкой, когда твой отец привез меня сюда, — а ты был уже большим парнем. Передо мной еще вся жизнь. Не могу же я прожить ее, похоронив себя на ферме.

— Но ты же обещала отцу, что... — прибавил громкости Макс.

— Заткнись, — оборвал его Монтгомери. — И постарайся говорить повежливее, когда обращаешься к своей матери — и ко мне.

Макс замолчал.

— Земля продана, и нечего больше об этом спорить. А как ты думаешь, сколько стоит этот участок?

— Ну, по правде говоря, я никогда не задумывался об этом.

— Что бы ты ни думал, я получил больше. — Он подмигнул Максусу. — Да, сэр. Твоей мамаше дико повезло в тот день, когда она обратила на меня внимание. Я ведь такой человек, что на три фута в землю вижу. Я же знаю, чего это тут появился агент, скупающий эти бесплодные, не имеющие никакой ценности огрызки недвижимости. Я...

— Я использую предоставляемые правительством удобрения.

— Я сказал «никакой ценности», и они не имеют никакой ценности. В смысле — для сельского хозяйства. — Он постучал пальцем по носу, хитро ухмыльнулся и объяснил. Судя по его словам, был намечен большой правительственный проект, для которого были выбраны как раз эти места. Монтгомери изъяснялся про все это крайне таинственно, из чего Макс заключил, что он мало что знает. Некий синдикат втихую скупал землю, надеясь содрать за нее побольше с правительства. — Так что мы получили с них раз в пять больше, чем они собирались платить. Совсем неплохо.

Тут в разговор встряла Моу:

— Вот видишь теперь, Макси? Если бы твой отец знал, что мы когда-нибудь сумеем получить...

— Смолкни, Нелли!

— Но я только хотела сказать ему, сколько...

— Я же сказал «смолкни».

Она замолчала. Монтгомери отодвинул стул, засунул в рот сигару и встал. Макс поставил греться воду для мытья посуды, соскреб объедки с тарелок и отнес их курам. Он провел во дворе порядочное количество времени, глядя на звезды и пытаясь собраться с мыслями. Неожиданная перспектива иметь Биффа Монтгомери в семье потрясла его до глубины души. Интересно, какие права имеет отчим или,

скорее, двоюродный отчим, человек, женившийся на его мачехе. Этого он не знал.

В конце концов Макс решил, что надо вернуться в дом, как бы ни было ему это противно. Он увидел, что Монтгомери стоит у книжной полки, которую он приспособил над стереоприемником; этот тип лапал его книги и сложил несколько из них стопкой на приемнике.

— Вернулся? — оглянулся Монтгомери. — Не уходи пока никуда, я хочу, чтобы ты мне рассказал кое-что относительно вашей живности.

В двери появилась Моу.

— Дорогой, — пропела она, — неужели все это не может подождать до утра?

— Не торопись, радость моя, — отмахнулся Монтгомери. — Этот самый аукционер появится здесь завтра, прямо с утра. Мне нужно иметь к этому времени опись. — Он продолжал вытаскивать книги с полки. — Гляди-ка, а вот это — отличные штуки. — У него в руках было полдюжины томиков, напечатанных на самой тонкой бумаге и переплетенных в гибкий пластик. — Интересно, сколько они стоят? Нелли, дай-ка мне мои очки.

Макс торопливо подскочил к нему и протянул руку к книгам.

— Это мои!

— Чего? — Монтгомери глянул на него, а затем поднял книги высоко в воздух. — Ты слишком молод, чтобы у тебя было что-нибудь свое. Нет, загоним все. Вымести все дочиста и начать жизнь с чистой страницы.

— Они мои! Мне их подарил дядя. — Макс воззвал к мачехе: — Скажи ему, Моу!

— Слушай, Нелли, — ровным голосом процедил Монтгомери, — приведи-ка ты в порядок этого мальчишку, чтобы мне не пришлось заниматься его воспитанием.

Нелли озабоченно наморщила лоб.

— Ну, по правде говоря, я и не знаю. Они принадлежали Чету.

— А Чет был твоим братом? Тогда ты и есть наследница Чета, а не этот щенок.

— Он не был ее братом, он был ее шурином!

— Ах так? Это не важно. Твой отец был наследником твоего дяди, а твоя мать — наследница отца. А не ты, так как ты еще несовершеннолетний. Такой уж, сынок, закон. Так что извини. — Он поставил книги на полку, но остался стоять между ними и Максом.

Макс почувствовал, как его верхняя губа начала непроизвольно дергаться; он знал, что не сможет говорить членораздельно. Его глаза затуманились от слез ярости, так что он едва мог видеть.

— Вы... ты — вор!

— Макс! — взвизгнула Нелли.

На лице Монтгомери появилось выражение холодной ярости.

— А вот это уже чересчур. Боюсь, что теперь ты вполне заслужил ремня. — Его пальцы начали расстегивать тяжелый пояс.

Макс сделал шаг назад. Монтгомери вытащил ремень и сделал шаг вперед.

— Монти! — взвизгнула Нелли. — Пожалуйста!

— Не лезь в это, Нелли, — оборвал ее Монтгомери, а Максусу сказал: — Мы должны раз и навсегда установить, кто тут старший. Извинись.

Макс не отвечал.

— Извинись, — повторил Монтгомери, — и мы про это забудем.

Он помахивал ремнем, как кот хвостом. Макс отступил еще на один шаг. Монтгомери сделал шаг вперед и попытался его схватить.

Макс увернулся и через открытую дверь выбежал в темноту. Он не останавливался, пока не уверился, что никто за ним не гонится. Потом, все еще кипя яростью, он перевел дыхание. Он уже почти жалел, что Монтгомери не погнался за ним; он не думал, что кто-нибудь сумеет совладать с ним в темноте в его родном дворе. Он знал, где сложены дрова, а Монтгомери не знал; и где тут лужа, в которой купаются свиньи. И он знал, где тут колодец, — даже *это*, если уж на то пошло.

Прошло довольно много времени, пока Макс достаточно успокоился, для того чтобы думать рационально. Теперь

он был рад, что все так легко кончилось. Монтгомери был значительно тяжелее его и, по слухам, дрался отчаянно.

Если это действительно уже кончилось, — поправил он себя. Он думал, решит ли Монтгомери к утру позабыть обо всем. В гостиной все еще горел свет; он укрылся в сарае и ждал, сидя на земляном полу, прислонившись спиной к дощатой стене. Через некоторое время Макс почувствовал страшную усталость. Он подумал, не лечь ли спать прямо в сарае, но тут не было подходящего места, чтобы лечь, даже притом что старый мул сдох. Тогда, вместо этого, он встал и посмотрел на дом.

Свет в гостиной погас, но был виден в спальне; конечно же, они еще не уснули. Кто-то прикрыл дверь после его бегства; она не запиралась, так что попасть внутрь можно было без труда, но он боялся, что Монтгомери услышит. Его собственной комнатой была небольшая пристройка, добавленная к кухонному концу главной комнаты, напротив спальни. Однако у нее не было наружной двери.

Не важно, он решил эту проблему давно, когда вырос достаточно, для того чтобы уходить и приходиться ночью, не спрашивая разрешения у старших. Он крадучись обошел дом, нашел козлы для пилки дров, поставил их под окном, забрался на них и вытащил гвоздь, удерживавший раму. Мгновение спустя он беззвучно спустился с подоконника в свою комнату. Дверь в главную комнату была закрыта, однако он решил все равно не рисковать и не включать свет: Монтгомери может зачем-нибудь выйти в комнату, и тогда он увидит свет в щели под дверью. Макс тихо выскользнул из одежды и забрался на кровать.

Сон не шел. Один раз он начал было ощущать теплую дремоту, но затем какой-то еле слышный звук вырвал его из этого состояния. Вероятно, это была просто мышь, но на какое-то мгновение ему показалось, что это Монтгомери навис над его кроватью. С колотящимся сердцем он сел на край постели, все еще совершенно раздетый.

Перед ним стояла проблема, что же теперь делать — не только в следующий час, не только завтра утром, но и следующим утром, и каждым утром после этого. Сам по себе

Монтгомери не представлял проблемы; он не остался бы по своей воле даже в одном округе с этим человеком, но как же Моу?

Когда отец уже знал, что умирает, он сказал ему:

— Позаботься о своей матери, сынок.

Что ж, он так и делал. Каждый год он собирал урожай — в доме была еда и даже деньги, пусть и совсем немного. Когда сдох мул, он и с этим справился: одолжил упряжку у Макалистера и расплатился собственной работой.

Однако имел ли отец в виду, что он должен заботиться о своей мачехе, даже если она снова выйдет замуж? Ему как-то никогда не приходило в голову подумать об этом. Отец велел ему позаботиться о ней, и так он и делал, хотя пришлось бросить школу и конца этому не было видно.

Но ведь она больше не миссис Джонс, она теперь миссис Монтгомери! Разве отец просил, чтобы он заботился о миссис Монтгомери?

Конечно же нет! Если женщина выходит замуж, о ней заботится муж. Это все знают. И отец, конечно же, не ожидал от него, что он станет мириться с Монтгомери. Макс встал, сразу приняв решение.

Оставался единственный вопрос — что взять с собой.

Брать было почти нечего. В темноте, на ощупь, он нашел рюкзак, которым пользовался при вылазках на охоту, и запихнул в него носки и вторую рубашку. К этому он добавил круглую астронавигационную логарифмическую линейку дяди Чета и кусок вулканического стекла, который дядя привез для него с Луны. Удостоверение личности, зубная щетка и отцовская бритва — не то чтобы она слишком часто была ему нужна, — вот, собственно, и все сборы.

За кроватью была плохо прибитая доска. Он нащупал ее, оторвал, пошарил в отверстии и не нашел ничего. В этом месте он иногда припрятывал немного денег на черный день, так как Моу то ли не умела, то ли не хотела экономить. Видимо, она успела найти этот тайник при одном из своих обысков. Ничего не поделаешь, уходить все равно надо; хотя пропажа денег немного все усложнила.

Он глубоко вздохнул. Было еще кое-что, что он должен был взять с собой. Книги дяди Чета. И они (по-видимому)

все еще стоят на полке, которая висит на общей со спальней стене комнаты. Но он обязан взять их, даже рискуя при этом наткнуться на Монтгомери.

Очень осторожно, очень медленно он открыл дверь в гостиную и стоял на пороге, обливаясь потом. В щели под дверью спальни по-прежнему виднелся свет, Макс помедлил еще, с трудом заставляя себя двигаться дальше. Он услышал, как Монтгомери что-то пробормотал, а Моу захихикала.

Когда глаза Макса привыкли к полумраку, он рассмотрел в слабом свете, сочившемся из-под двери спальни, что у наружной двери что-то нагромождено. Это была куча кастрюль и сковородок, которая устроила бы страшный грохот при любой попытке открыть дверь. Очевидно, Монтгомери ожидал, что мальчик вернется домой, и был наготове, чтобы тут-то с ним и разделаться. Макс очень обрадовался, что прокрался домой через окно.

Медлить дальше смысла не было — он прошел через комнату, ни на секунду не забывая о скрипучей половице рядом со столом. Рассмотреть что-либо было невозможно, но он хорошо знал свои книги на ощупь. Он осторожно вытаскивал их, стараясь не уронить остальные.

Макс прошел уже весь обратный путь к двери своей комнаты, когда вспомнил про библиотечную книгу. И остановился, покрывшись от страха холодным потом.

Он не мог снова пройти этот путь. На этот раз они могут его услышать. Или Монтгомери встанет попить воды, или еще что-нибудь.

Но в его очень ограниченном кругозоре воровство библиотечной книги — или невозможность ее вернуть, что то же самое, — было если уж не смертным грехом, то по крайней мере одним из первых пунктов списка постыдных поступков. Он стоял на месте, обливаясь потом и размышляя.

Потом он проделал снова весь этот путь, осторожно обойдя скрипучую доску и катастрофически забыв о другой такой же. Наступив на нее, он застыл. Однако, очевидно, звук не встревожил парочку в спальне. Наконец он перегнулся через СВ-приемник и начал шарить на полке.

Монтгомери не только перелопатил, но и попереставлял все книги, так что Максусу пришлось вынимать их одну за другой

и пытаться разобраться в них на ощупь, открывая каждую и отыскивая библиотечную перфорацию титульного листа.

Она оказалась четвертой из ощупанных им книг. Макс вернулся в свою комнату, двигаясь очень медленно и осторожно, с трудом сдерживая желание двигаться побыстрее. Потом его начало трясти, и пришлось переждать, пока это пройдет. Он опять не решился испытывать судьбу, закрывать дверь и включать свет, — а вместо этого оделся в темноте. Еще через несколько мгновений он вылез в окно, нащупал босыми ногами козлы и бесшумно спрыгнул на землю.

Ботинки лежали в рюкзаке поверх книг, и он решил не вынимать их оттуда, пока не отойдет подальше от дома. Он опасался шума, который могли произвести обутые ноги. Он обогнул дом по широкой дуге и оглянулся назад. Свет в спальне все еще горел; Макс стал срезать угол, выходя на дорогу, и вдруг заметил уницикл Монтгомери. И остановился.

Пройдя дальше, он выйдет на дорогу, по которой ходит автобус. Повернет ли он налево или направо, у Монтгомери будут шансы пятьдесят на пятьдесят догнать его на уницикле. Двигаться предстояло на своих двоих — денег на автобус у него не было.

Ерунда это все. Монтгомери и пробовать не станет вернуть его домой. Скажет: скатертью дорожка, — и тут же из головы выкинет.

Но все-таки мысль эта его тревожила. А что, если Моу уговорит Монтгомери? А что, если Монтгомери не сможет забыть оскорбление и не пожалеет трудов, чтобы с ним почитаться?

Он вернулся и, снова держась подальше от дома, пошел по склону холма в направлении правого участка ЧСЗ-дороги.

Глава 2 ДОБРЫЙ САМАРИТАНИН

Макс хотел бы, чтобы было светло, но и темнота не слишком его беспокоила. Он прекрасно знал эти места, каждый холмик, чуть ли не каждое дерево. Он держался высоких

мест, передвигаясь с холма на холм, пока не добрался до выходного кольца, откуда поезда перепрыгивали через долину. Здесь он вышел на служебную дорогу, которой пользовался обслуживающий персонал магнитной дороги. Тогда он сел на землю и обулся.

Служебная дорога была просто тропой, шедшей сквозь лес по просеке. Эта тропа годилась для гусеничного транспорта, но не для колесных машин. Она спускалась в долину, а затем поднималась и проходила немного ниже того места, где магнитная дорога скрывалась в туннеле в дальнем обрыве. Макс пошел по служебной тропе не спеша, но быстро, легкой, свободной походкой прирожденного горца.

Через семьдесят минут он пересек долину и оказался под входным кольцом. Он прошел дальше, пока не приблизился к кольцу, расположенному прямо в черневшем зеве туннеля. Здесь он остановился на безопасном — по его расчетам — расстоянии и снова оценил свои шансы на успех.

Гребень был высоким, иначе кольца установили бы не в туннеле, а прямо на холме. Он часто охотился здесь и знал, что для подъема на холм потребовалось бы часа два — при дневном свете. Но служебная дорога проходила прямо сквозь гору, под кольцами. Если он пойдет по дороге, то через десять—пятнадцать минут он окажется по другую сторону холма.

Макс никогда не ходил по туннелю. Это было строго запрещено и преследовалось по закону. Не то чтобы запрещение сильно беспокоило Макса, он и так уже находился на запретной территории. Дело было в другом. Иногда свинья или какое-нибудь дикое животное забредали в туннель и не успевали выбраться оттуда до прохода поезда. Они погибали — мгновенно и без единой царапины. Как-то Макс посмотрел в туннеле, совсем неподалеку от входа, погибшую лису. Он быстро сбегал и вытащил ее. На ней не было никаких внешних повреждений, но когда он снимал шкуру, то увидел, что ее тело представляло собой сплошную массу мелких кровоизлияний. Несколько лет тому назад какой-то человек был «пойман» поездом внутри туннеля — и дорожные рабочие извлекли труп.

Туннель был шире, чем кольцо, но ненамного — только чтобы позволить поезду двигаться, обгоняя свою собственную ударную волну, отраженную от стенок. Ничто живое, попавшее в туннель, не могло избежать этой волны; этот непереносимый громовой раскат, от которого даже на порядочном расстоянии болели уши, был заряжен такой энергией, что вблизи обозначал неминуемую мгновенную смерть.

Однако Максус совсем не хотелось карабкаться по обрыву; он прокручивал в уме ночное расписание поездов. Тот, за которым он наблюдал на закате, назывался «Томагавк»; прохождение «Джавелина» он слышал, когда прятался в сарае. «Ассегай», должно быть, прошел совсем недавно, хотя он его вроде бы и не слышал. Оставался полуночный «Кинжал». Макс посмотрел на небо.

Венера, конечно же, уже ушла за горизонт. Однако, к его удивлению, Марс все еще стоял на западе. Луны не было. Попробуем вспомнить — полнолуние было в прошлую пятницу. Конечно же...

Получавшийся ответ казался ошибочным, поэтому он дополнительно проверил себя, тщательно оценив положение Веги и сравнив его с тем, что ему говорило положение ковша Большой Медведицы. Тогда он тихо присвистнул, — несмотря на всю уйму происшедших событий, сейчас было всего еще только десять часов — плюс-минус пять минут; звезды никогда не ошибаются. В таком случае «Ассегай» будет не раньше чем через три четверти часа. Если не брать в расчет какой-нибудь специальный поезд, вероятность которого крайне мала, у него была уйма времени.

Макс направился прямо в туннель. Пройдя ярдов пятьдесят, он уже пожалел о своем поступке и даже немного запаниковал; здесь было темно, как в могиле. Зато идти здесь было гораздо легче, стенки туннеля были совершенно гладкими, так как ничто не должно мешать прохождению ударной волны. После нескольких минут торопливого, хотя и на ощупь, продвижения по туннелю, когда глаза его адаптировались к полной темноте, он различил впереди еле заметный серый круг. Тогда он побежал — сначала рысцой, а затем, подгоняемый страхом перед этим местом, — со всех ног.

Когда Макс достиг выхода, сухое горло его горело, а сердце колотилось как сумасшедшее; потом он бросился вниз по склону, не обращая внимания на то, что почва под ногами сразу стала хуже, когда он покинул туннель и побежал по служебной тропе. Он не замедлял своего бега, пока не оказался около опоры кольца, опоры такой высокой, что кольцо, которое она поддерживала, казалось снизу совсем маленьким. Здесь он остановился и попытался справиться со своим дыханием.

Что-то ударило его сзади и сшибло с ног.

...Он поднялся, ничего не понимая и шатаясь, как пьяный. Постепенно он вспомнил, где находится, и понял, что на какое-то время потерял сознание. Одна из его щек была в крови, ладони и локти ободраны. Только рассмотрев все это, он осознал, что случилось: прямо над ним прошел поезд.

Не так близко, чтобы убить, однако достаточно близко, чтобы ударная волна сбила его с ног. Это никак не мог быть «Ассегай»; он поглядел на звезды и снова убедился в этом. Нет, это был специальный, дополнительный, — и Макс выбежал из туннеля всего за какую-то минуту до него.

Тогда его затрясло, и прошло много минут, прежде чем он взял себя в руки. Потом он направился по служебной тропе со всей скоростью, на какую было способно его избитое тело. Еще через какое-то время он обратил внимание на странное обстоятельство: ночь была совершенно безмолвной.

Но ведь ночь не бывает безмолвной. Никогда. Уши Макса, с младенческого возраста привыкшие к звукам и голосам родных холмов, должны были бы слышать несмолкаемое переплетение разнообразных ночных звуков — шелест листьев на ветру, копошение его меньших братьев, пение древесных лягушек, стрекотание насекомых, крики сов.

Неумолимая логика подсказала Макс, что он лишился слуха — стал глухим как чурбан. Его оглушила ударная волна. Однако поделаться с этим нельзя было сейчас ничего, так что он продолжил свой путь; мысль вернуться домой даже не пришла ему в голову. В глубине этой ложины, где опоры колец достигали высоты в триста футов, служебная дорога

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. В. Голд.</i> Звездная экспансия: начало	5
АСТРОНАВТ ДЖОНС	9
ВРЕМЯ ДЛЯ ЗВЕЗД	277
<i>С. В. Голд.</i> О романах «Астронавт Джонс» и «Время для звезд»	489

Хайнлайн Р.

X 15 Астронавт Джонс ; Время для звезд : романы / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. М. Пчелинцева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 512 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-13578-9

Если у тебя в жизни есть цель и упорное желание этой цели достигнуть, ничего тебя не остановит на этом пути. У Максимилиана Джонса такая цель — звезды. Макс точно знает, абсолютно уверен в том, что будет астронавтом, чего бы это ему ни стоило. И волею судьбы оказавшись на борту звездного корабля «Асгард», он доказывает своим умом и отвагой, что выбор его единственно правильный.

Герои романов, составивших этот том, — подростки, верящие в мечту. И Макс («Астронавт Джонс»), и Том («Время для звезд»), пройдя в звездных походах самые невероятные испытания, именно благодаря своей цельности побеждают и обретают мужество.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
АСТРОНАВТ ДЖОНС
ВРЕМЯ ДЛЯ ЗВЕЗД

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Валерий Камендо, Станислава Кучепатова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.08.2017. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 26,88. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-AFA-21762-01-R